

Глобальное управление и дискурсивная сила Китая: институциональный аспект

Торопыгин А. В.^{*}, Николаенко А. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Российская Федерация

* e-mail: toropygin-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-0678-3347

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается одно из направлений реформы глобального управления, предложенной Китаем и опирающейся на институциональный аспект дискурсивной силы¹. Под институциональной дискурсивной силой в Китае понимается активность в международных организациях и наднациональных институтах от формирования повестки дня до разработки и принятия соответствующих решений — актов глобального управления. **Цель.** Определение механизмов формирования дискурсивной силы Китая в рамках предложенной им реформы глобального управления.

Задачи. Выявление процесса формирования дискурсивной силы Китая, а также анализ практики ее использования при выработке внешнеполитических решений. **Методология.** При работе над статьей были использованы общенаучные методы. При анализе международных институтов применялись описательный и сравнительный методы. В качестве общей теоретической рамки была взята институциональная теория и ее производные. **Результаты и выводы.** Китай успешно разрабатывает и претворяет в жизнь различные механизмы глобального управления, такие как многосторонние форматы, форумы, международные организации и самостоятельные финансовые структуры. Особое внимание внешнеполитическое ведомство Китая уделяет формату БРИКС. Под влиянием КНР успешно адаптируются повестки заседаний многосторонних институтов. В КНР разработаны механизмы формирования новых международных институтов, а также критерии для перестройки существующих. Это позволяет говорить об институциональной дискурсивной силе Китая как об основном направлении реформы глобального управления.

Ключевые слова: КНР, реформа глобального управления, международные институты, дискурсивная сила, евразийский регион

Для цитирования: Торопыгин А. В., Николаенко А. В. Глобальное управление и дискурсивная сила Китая: институциональный аспект // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2026. Т. 20, № 2. С. 158–167. EDN: QHQCYР

Global Governance and China's Discursive Power: An Institutional Aspect

Andrey V. Toropygin^{*}, Anastasia V. Nikolaenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russian Federation

* e-mail: toropygin-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-0678-3347

¹ «Манифест принятия реальности». Российские эксперты — о китайской инициативе глобального управления [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8022662> (дата обращения: 29.12.2025).

ABSTRACT

This article examines one aspect of China's proposed global governance reform, which draws on the institutional dimension of discursive power. Institutional discursive power in China is defined as activity in international organizations and supranational institutions, from agenda setting to the development and adoption of corresponding decisions — acts of global governance. **Aim.** The aim of this study is to identify the mechanisms by which China develops discursive power within the framework of its proposed global governance reform. **Tasks.** The objectives are to identify the process by which China develops discursive power and to analyze its use in foreign policy decision-making. **Methods.** When writing the article, the authors used general scientific methods. The article used descriptive and comparative methods in the analysis of international institutions. Institutional theory and its derivatives were taken as a general theoretical framework. **Results and conclusions.** China has successfully developed and implemented various global governance mechanisms, such as multilateral formats, forums, international organizations, and independent financial structures. The Chinese Foreign Ministry pays special attention to the BRICS format. Under China's influence, the agendas of multilateral institutions have been successfully adapted. China has developed mechanisms for the formation of new international institutions and criteria for the restructuring of existing ones. This highlights China's institutional discourse power as a key driver of global governance reform.

Keywords: China, global governance reform, international institutions, discursive power, Eurasian region

For citation: Toropygin A. V., Nikolaenko A. V. Global Governance and China's Discursive Power: An Institutional Aspect // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2026. Vol. 20, No. 2. P. 158–167. (In Russ.) EDN: QHQCYF

Введение

Связь между глобальным управлением и дискурсивной силой заключается в том, что язык и смыслы (дискурс) формируют глобальное управление, определяя, как воспринимаются проблемы, какие решения считаются приемлемыми и кто обладает властью в международных отношениях. Внимание со стороны Китая к дискурсивной силе появилось сравнительно недавно, сменив тренд увлечения мягкой силой. Если достаточно долго Китай не заявлял о своих глобальных амбициях, то обнародование концепции «Сообщество единой судьбы человечества» ясно показало ее глобальные амбиции. Дискурсивная сила Китая — концепция, которая предполагает конструирование глобальных нарративов, продвижение собственной международной повестки, отстаивающей национальные интересы, более весомое право голоса на мировой арене, формулирование и внедрение в мировую практику стандартов, норм и правил¹.

Ученые и специалисты, хорошо знающие эту тематику, работы и идеи о дискурсе французского философа М. Фуко, утверждают, что его взгляды и тексты трактуются достаточно вольно и, по сути, сводятся к одной фразе: дискурс — это власть, за которую людям необходимо бороться. Концепция «дискурсивной силы» стала ответом Китая на попытки ограничения его дальнейшего развития со стороны Запада. Дискурсивная сила в таком случае представляет набор инструментов, способствующих продвижению Китая в качестве одного из ведущих игроков в эпицентр мировых событий. Этот набор инструментов формирует повестку «деятельности международных институтов и новые принципы “глобального управления”, воздействующие на ценности мировых акторов и их мировоззрение, а через это — на политический выбор и политические решения» [3, с. 19–20]. Такой ракурс рассмотрения дискурсивной силы дает возможность говорить о ее влиянии на глобальное управление по следующим направлениям: формирование повестки дня, создание норм и правил, определение легитимности, распределение власти, влияние на восприятие реальности.

¹ Лексютина Я. В. Китайский трансфер: от мягкой культурной силы к дискурсивной [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitayskiy-transfer/> (дата обращения: 29.12.2025).

Обсуждение результатов

Под институциональной дискурсивной силой в Китае понимается активность в международных организациях и наднациональных институтах. Это означает и активное участие в их деятельности, включая и работу над документами и правилами, создающимися в ней, и принятие соответствующих решений [3]. Эксперты указывают, что в этом случае могут фиксироваться не только различные стратегии, но и новые документы, обеспечивающие национальный интерес. Особую заинтересованность представляет, например, «Белая книга по Арктике», которая стала концептуальным документом, зафиксировавшем подходы КНР к Арктическому региону¹. В «Белой книге по Арктике» введено ключевое понятие, которым пользуется Китай в настоящий момент, описывая свой статус в Арктике, а именно — «близоарктическое государство».

По мнению исследователей И. Е. Денисова и И. Ю. Зуенко, получив статус наблюдателя в Арктическом совете², Китай «последовательно проводит многоуровневую дискурсивную стратегию, ... выстраивая вокруг своего присутствия в Арктике определенную систему образов ... Долгосрочная стратегия Китая в международных структурах заключается, с одной стороны, в предоставлении им общественных благ, таких как финансирование, технологии, обучение персонала, а с другой — в более активном участии в содержательной работе органов глобального управления, в том числе путем предложения своих концепций, участия в создании и пересмотре международных систем, режимов и правил, а также в продвижении китайских граждан на руководящие посты в международных организациях» [3].

Форматы сотрудничества Китая

Реализация инициативы «Один пояс — один путь» (ОПОП) в Китае формировалась на основе механизмов координации/управления — так называемых форматов «16 + 1», «17 + 1», «5 + 1».

Под двумя первыми из них подразумевается взаимодействие со странами ЕС, «5 + Китай» — форматы взаимодействия с Центральной Азией и Северными странами (Швеция, Финляндия, Дания, Исландия, Норвегия)³. Форматы строятся, можно сказать, по одной модели и включают создание специальной кредитной линии, учреждение инвестиционного фонда, предоставление стипендий для учебы в КНР. Подобный формат Китай пытался сформировать и с Вишеградской четверкой [20]. Если в регионе/субрегионе (который географически попадает в ОПОП) отсутствует интеграционное объединение / международная организация, либо она действует по принципу открытого регионализма (например, как страны АСЕАН не имеют общего мнения о проекте ОПОП), тогда создаются различные фонды или инвестиционный банк. Еще один вариант взаимодействия — создание «форума», который практически не отличается от «формата»; оба они формируются с помощью документа высокого статуса [11; 14]. Такие формы сотрудничества наиболее приемлемы для Африканского континента.

С рядом стран Ближнего Востока Китай создал «форум» на основе Лиги арабских государств по трем направлениям взаимодействия: традиционная энергетика; строительство инфраструктуры, содействие торговле и инвестициям; разработка новых технологий в области ядерной энергии, возобновляемых источников энергии и спутников. В Латинской Америке Китай сформировал «форум» и «фонд» на основе Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК) [7]. Однако в случае со странами Карибского бассейна ситуация отличается от рассмотренных ранее, поскольку часть стран Карибского бассейна имеют дипломатические отношения с КНР, а часть — с Китайской Республикой (Тайвань). В итоге был подписан специальный меморандум: с одной стороны КАРИКОМ (Карибское сообщество (англ. Caribbean Community, CARICOM) — торгово-экономический союз стран Центральной и северо-восточной Южной Америки), а с другой — Китайский банк развития (CDB) [13].

¹ Лексютина Я. В. Китайский трансфер: от мягкой культурной силы к дискурсивной [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitayskiy-transfer/> (дата обращения: 29.12.2025).

² Наблюдатели в Арктическом совете: Китайская Народная Республика [Электронный ресурс]. URL: <https://arctic-council.org/ru/about/observers/peoples-republic-of-china/> (дата обращения: 29.12.2025).

³ Sino-Nordic Relations: Opportunities and the Way Ahead [Электронный ресурс]. URL: <https://www.isdp.eu/wp-content/uploads/2016/11/2016-Sino-Nordic-Relations-Opportunities-and-the-Way-Ahead.pdf> (дата обращения: 06.03. 2026).

Реализация китайской внешней политики в рамках ШОС

При активном участии и заинтересованности Китая в 2001 г. была сформирована международная межправительственная организация — Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которой он усиливает свое влияние, утверждая дискурсивную силу, активно распространяя свои ценности, идеи и нарративы на международной арене, добиваясь их добровольного признания и формируя выгодную для себя повестку в глобальном дискурсе. Целевую направленность деятельности ШОС, ее политику и практику определяет доктрина, известная как борьба с «тремя силами зла» [12, с. 50–52]. Известно, что общепринятого определения этого деяния не существует, но некоторый консенсус по этому поводу имеется. Например, в Резолюции № 1456 Совета Безопасности ООН¹ сказано о необходимости соблюдения прав человека, гуманитарного и международного права. Исследователь К. Х. Рахимов в своей монографии утверждает, что ШОС противоречит этой Резолюции, используя доктрину «трех зол» для установления политик и действий, которые нарушают некоторые права человека [Там же, с. 153]. Принято считать, что институты с участием Китая имеют тенденцию если не нарушения напрямую прав человека, то их ограничения. Это может создать определенные юридические трудности для членов ШОС, учитывая принятую в 2005 г. Концепцию сотрудничества², которая предусматривает, что государства-члены будут согласовывать внутреннее законодательство с целью обеспечения взаимного признания террористического, сепаратистского или экстремистского акта независимо от того, включает ли законодательство государств — членов ШОС соответствующий акт в той же категории преступлений или акт описывается с использованием одних и тех же терминов [12; 16].

Среди направлений развития дискурсивной силы специалисты называют «усиления технических стандартов КНР на международной арене» [3]. Это проблема технологического соответствия западных технологий утвержденным китайским стандартам. Китай пытается стать «законодателем мод» в технологической области, то есть создавать правила в области мобильной связи нового поколения, применения роботов в общественной сфере, развития искусственного интеллекта, усиления блокчейна, а также в обработке больших данных. Развитие технологий в области искусственного интеллекта дает возможность привязать страны-партнеры к своей технологической платформе. Таким образом, это становится элементом национальной безопасности, а также инструментом так называемой цифровой силы [Там же]. В конечном счете это дает возможность усиления давления на цифровые рынки как внутри государства, так и за его пределами, сохраняя технологический уклад. Но очевидно, что грань между «знать» и «иметь реальную возможность осуществить» очень тонкая. И, по всей видимости, такой проект, как модель Шэкоу (и подобные), может рассматриваться как пересмотр правил функционирования международных систем³.

Глобальное управление

Страны — победители во Второй мировой войне сформировали «новый», Ялтинско-Потсдамский мировой порядок, который вскоре принял форму биполярности, а затем и холодной войны. Далее этот мир трансформировался в однополярность, так называемый «конец истории» в терминологии Ф. Фукуямы. Но и при биполярности государства обоих полюсов (точнее, конечно, правящие элиты) соглашались с тем, что в мире должно существовать некое регулирование или направляющее воздействие, легитимность которого строится на всеобщем согласии участников экономических и политических отношений относительно осуществляемых им институтов. Собственно говоря, это основа появления ООН. О надгосударственном управлении и регулировании для всех таких идейных конструкций член-корреспондент РАН Ф. Г. Войтоловский пишет, что «государство как носитель суверенитета не может и/или не должно

¹ Резолюция 1456 (2003), принятая Советом Безопасности на 4688-м заседании 20 января 2003 года [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902113847> (дата обращения: 16.04.2026).

² Концепция сотрудничества государств — членов Шанхайской организации сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3667> (дата обращения: 16.04.2026).

³ Порт Шэкоу — концепция экосистемы порта, коммуникаций, логистики, бизнеса, информации, капитала. Модель уже используется в Африке, Бразилии, Панаме, Мексике.

быть высшей формой организации социально-политического пространства» [1]. Следствием этой мысли стало важное противоречие, состоящее в том, что глобальные проблемы человечества в настоящее время решаются на государственном уровне. Глобализация — процесс, развернувшийся в середине прошлого века, в известной степени пытался его разрешить [17].

Механизмом, который легитимировал такие решения, стала многосторонность. Концепция многосторонности заключается в совместном и согласованном решении вопросов, касающихся многих заинтересованных сторон (мир, климат, окружающая среда, борьба с терроризмом, здравоохранение и т. д.). М. В. Харкевич, рассматривая глобальное управление в концепции, т. е. «черного ящика со входом и выходом», говорит о том, что при однополярности наибольший интерес имеет «выход» — результат в форме глобальных и региональных общественных благ. При переходе к многополярности фокус сместился на «вход» — конкурентный процесс формирования норм и подходов к глобальному управлению. Иными словами, как справедливо считает Харкевич, глобальное управление — взаимодействие государств, бизнеса, гражданского общества, а также производных от них международных организаций и институтов по выработке формальных и неформальных норм и правил, направленных на регулирование транснациональных вопросов и координирование совместных усилий по их решению в иерархическом, сетевом или рыночном форматах¹.

Для темы статьи особый интерес представляет статус институтов в понимании, например, Д. С. Норта, в работах которого представлены основные концепции развития институциональной среды, роли институциональных факторов в экономическом развитии, теория институциональных изменений [18; 19]. Представители более позднего институционализма указывают на то, что «с изменением технических возможностей и развитием интернета меняется человеческая возможность к созданию институтов» [4]. Огромное значение придают институтам академик С. Ю. Глазьев и профессор И. Ф. Кефели. В их модели развития мирохозяйственных укладов мира институциональное устройство становится необходимым условием, нынешний этап называется «интегральным», подчеркивая важность таких институтов, как интеграционные структуры ЕАЭС, АСЕАН, ЕС [2].

Изменение мировой институциональной среды — это и возможность формирования новой глобальной системы управления. Надо изменить систему глобальных мегарегуляторов, с помощью которых разрешается противоречие между национальным суверенитетом и глобализацией. Как известно, в политическом дискурсе существуют два основных варианта развития событий.

С одной стороны, возможно делегировать часть суверенных национальных полномочий специальным мегарегуляторам, подконтрольным США, а именно глобальным международным организациям и институтам. Такие организации, как МВФ, Мировой банк, ВТО, Федеральная резервная система США, Базельский институт, могут служить примером подобного вида мегарегулятора.

С другой стороны, возможны пути, связанные с формированием региональных рынков, так называемой регионализацией. Создание интеграционных межгосударственных объединений, таких как ЕС, ЕАЭС, МЕРКОСУР и других, способствуют развитию горизонтальной интеграции.

Регионализация может укреплять доминирование Запада, как это имеет место при вступлении в ЕС, но может и подрывать его. Страны Глобального Востока и Глобального Юга пытаются подорвать господство Запада путем реформирования действующих мегарегуляторов, повышая свою роль в МВФ и ВТО [5]. Например, доли голосов, которыми наделены государства, участвующие в принятии решения в Международном банке реконструкции и развития, распределяются следующим образом: Китай — 5,77%; Россия — 2,5–2,8% (доля варьируется; значительно ниже доли США и Китая); блокирующий пакет у США — единственный участник, имеющий больше 15%, что дает ему право вето на ключевые структурные решения². По этому поводу, например, М. И. Кротов пишет, что «наиболее перспектив-

¹ Харкевич М. В. Глобальное управление в эпоху обострения конкуренции между великими державами [Электронный ресурс]. URL: <https://russiacouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnoe-upravlenie-v-epokhu-obostreniya-konkurentsii-mezhdu-velikimi-derzhavami/> (дата обращения: 29.12.2025).

² International bank for reconstruction and development voting power of executive director [Электронный ресурс]. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/1da86cb968275b94ab30b3d454882208-0330032021/original/IBRDEsVotingTable.pdf> (дата обращения: 15.05.2026).

ный путь перехода многополярной модели глобализации — создание антизападных мегарегуляторов. Государства — участники ШОС, БРИКС, ЕАЭС доминируют в новых развивающихся финансовых институтах глобализации (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый Банк, Евразийский банк развития, Фонд Шелкового пути, Евразийский фонд стабилизации и развития, другие финансовые механизмы КНР, связанные с ОПОП)» [6]. В этой связи встает вопрос: как проводить реформирование?

Китайский специалист в области международных отношений Чжу Цзецин [15] пишет, что «в зависимости от того, является ли целью создание нового института или переосмысление и реформирование существующего, мы можем разделить возможные пути реформирования в институциональных изменениях на четыре типа: замещение (отказ от существующего, введение новых правил), дополнение (новые правила присоединяются к существующим), преобразование (изменение действующих правил в связи с их стратегическим переосмыслением), избегание (уменьшение доверия к существующим правилам и их использования)». Выбор типов изменений зависит от двух переменных: 1) возможность вето доминирующих акторов (право принадлежит субъектам, чье согласие необходимо для изменения статус-кво), 2) гибкость существующих институтов (распределенное воздействие на ресурсы влияния в них). Таким образом, строится аналитическое пространство, в котором происходит выбор типа реформ (см. таблицу).

Таблица

Аналитическое пространство выбора типа реформы

Table. Analytical space for choosing the type of reform

Высокая гибкость института			
Слабые возможности вето	Преобразование	Дополнение	Сильные возможности вето
	Замещение	Избегание	
Низкая гибкость института			

Источник: составлено авторами по [15]

Может показаться, что все достаточно формально. Но надо учитывать, что правом вето (в терминологии Дж. Цебелиса) обладает тот игрок, согласие которого необходимо для реформирования института. Иными словами, это «сила» блокировки изменения не только этого доминирующего актора института, но и каким-либо образом связанных с ним институтов. Так, изменения в международной организации требуют согласия правительства на новое соглашение и парламента — на ратификацию. Таким образом, могут учитываться идеологические, политические и другие моменты. Отсутствие учета этих моментов может привести к сложностям. Например, Новый банк, хотя и является Банком БРИКС, тем не менее присоединился к антироссийским санкциям в 2022 г. [5]. По мнению М. И. Кротова, «здесь важно предложить партнерам новую международную финансовую модель» или перестроить организацию так, чтобы решения в банке принимались более взвешенно, ни одно из государств не имело блокирующего большинства [6]. Логистические и транспортные проекты важны и формируют двусторонние и многосторонние связи между странами с точки зрения развития интеграции «снизу вверх», что активизирует действия руководителей государств [10]. Китай вовсе не собирается сделать все механизмы альтернативными. Он предлагает реформировать ряд действующих структур и ООН, сделав их более справедливыми и эффективными¹. Собственно говоря, мысль эта очевидна, институциональные изменения не могут повлиять на глобальное управление в целом. Идеологическая основа реформы прослеживается в целом ряде концепций [9], в том числе и концепции «Сообщество единой судьбы человечества» [8].

Лидер КНР Си Цзиньпин на встрече в формате «ШОС плюс» в сентябре 2025 г. выдвинул инициативу в области глобального управления. Он продекларировал основные пять принципов этого процесса, а именно суверенное равенство, соблюдение принципов международного права, курс на многосто-

¹ Глава МИД КНР высказался в поддержку реформы Совбеза ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/glava-mid-knr-vyskazalsya-v-podderzhku-reformy-sovbeza-oon.html> (дата обращения: 29.12.2025).

ронность, отстаивание ориентированного на людей подхода и концентрация на реальных действиях¹. Понятно, что руководитель Китая говорил в том числе и о ШОС. И все же предложение о реформе и совершенствовании ШОС дают возможность предполагать, что именно этому институту отводится значительное место в формировании «площадки для обкатки предложений по реализации» планов реформирования глобального управления. Для этого государствам ШОС предлагается создать Универсальный центр по противодействию вызовам и угрозам безопасности и Антинаркотический центр, а также Банк развития ШОС в целях обеспечения более мощной поддержки для безопасности и экономического сотрудничества государств-членов. ШОС служит платформой для влияния в Центральной Азии, фокусируясь на безопасности, торговле и зоне свободного движения товаров с Россией, Казахстаном и другими. Китай использует ее для экономического освоения региона, конкурируя с Россией и продвигая гуманитарное и транспортное сотрудничество. Это ключевой инструмент многополярности. Ключевые глобальные проекты Китая можно условно разделить на несколько направлений: инфраструктурные инициативы за рубежом, технологическое развитие, энергетика и космос. Эти проекты одновременно решают задачи роста экономики, безопасности и усиления геополитического влияния КНР.

Также планируется реализовать 100 небольших, зато имеющих хорошую отдачу социальных проектов в государствах-членах, которые в этом нуждаются. Отдельно необходимо предоставить государственную грантовую помощь в размере 2 млрд юаней до конца 2025 г., выдать новый кредит членам Межбанковского объединения на сумму 10 млрд юаней в ближайшие три года, удвоить квоты на специальную стипендию ШОС, построить 10 новых «Мастерских Лу Баня»² в ближайшие пять лет и выделить 10 тыс. квот для участия в курсах профессиональной подготовки человеческих ресурсов³. Китайские мегапроекты генерируют значительный экономический рост за счет инвестиций в инфраструктуру, но также создают риски долговой зависимости для партнерских стран. Эти проекты активизируют экспорт китайских товаров, технологий и рабочей силы, одновременно обеспечивая доступ к ресурсам и рынкам. Данные проекты стимулируют рост инвестиций и торговли. В первой половине 2025 г. объем вложений Китая в инициативу «Один пояс — один путь» достиг рекордных 124 млрд долл. с акцентом на энергетику (44 млрд долл.), металлургию (24,9 млрд долл.) и технологии (23,2 млрд долл.), что усиливает торговый профицит КНР и создает рабочие места. Проекты вроде ГЭС, железных дорог и портов (например, в Пакистане и Казахстане) повышают транспортную связность, сокращая логистические издержки и ускоряя экономический рост в Азии и Африке на 1–2% ВВП ежегодно. А увеличение доли инвестиций в «зеленые» технологии и промышленность (до 14% в 2025 г.) помогает странам-реципиентам модернизировать экономики, снижая зависимость от сырья.

С другой стороны, многие страны накапливают долги перед Китаем (общий объем BRI-инвестиций⁴ превысил 1,3 трлн долл.), что приводит к потере контроля над активами, как в случае с портами в Шри-Ланке или Замбии. Снижение активности в Европе и Латинской Америке при росте в Центральной Азии вытесняет конкурентов, включая Россию, снижая их влияние и экономические выгоды.

Заключение

Преодоление «западоцентризма» проходит красной нитью через предлагаемый Китаем проект глобального управления. Это хорошо прослеживается в двух основных посылах. Во-первых, в обращении к развивающимся странам, во-вторых, в подчеркивание коллективного, а не индивидуального «общества единой судьбы». Китай реализует ряд масштабных геополитических проектов, направленных на укрепление глобального влияния, экономическую экспансию и создание многополярного мира. Основные из

¹ Полный текст выступления Си Цзиньпина на 25-м заседании Совета глав государств — членов ШОС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scochina2025.org.cn/ru/n3/2025/0902/c518817-20360735.html> (дата обращения: 29.12.2025).

² «Мастерские Лу Баня» — это образовательные центры по развитию профессионального образования и технического сотрудничества с развивающимися странами.

³ Полный текст выступления Си Цзиньпина на 25-м заседании Совета глав государств — членов ШОС [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scochina2025.org.cn/ru/n3/2025/0902/c518817-20360735.html> (дата обращения: 29.12.2025).

⁴ Инициатива «Пояс и путь» (Belt and Road Initiative, BRI).

них включают инициативу «Один пояс — один путь», Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) и Глобальную инициативу развития. Эти проекты сочетают инфраструктурные инвестиции с политическим партнерством. Под руководством Си Цзиньпина продвигаются «сообщество с общим будущим для человечества», Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли и укрепление БРИКС. Эти усилия включают партнерства с крупными державами (как Россия), периферией и развивающимися странами, а также реформу глобального управления через ООН и G20. Цель — национальное возрождение к 2049 г.

Что касается рассмотренного механизма, для определения направления реформы международных институтов он использовался при исследовании реформы соглашений о свободной торговле и многосторонних банков [20].

Вместе с тем, по мнению авторов, в реформе глобального управления КНР институциональная дискурсивная сила будет играть все более заметную роль. Это связано с тем, что создание антизападных мегарегуляторов — перспективный путь перехода к многополярной модели глобализации.

При этом, во всяком случае, вначале, будет использоваться хорошо зарекомендовавшая себя схема формирования дискурса, его внедрение в существующие институты, продвижение от имени института, но с финансовой поддержкой Китая.

Китайское руководство планирует соответствовать глобальной мощи США, пересмотреть мировой порядок, а также усилить свои возможности во внешней политике, экономическом развитии и в области безопасности. Выстраивая принцип добрососедства, Китай проводит более целенаправленную политику, усиливая влияние во всех жизнеобеспечивающих сферах общества. Именно на это направлена «Инициатива глобального управления», выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином 1 сентября 2025 г. на расширенном заседании саммита «ШОС плюс»¹.

Список литературы

1. *Войтоловский Ф. Г.* Идеология «глобального управления»: от утопии к практике // *Международная жизнь*. 2011. № 9. С. 69–94. EDN: TTITUJ
2. *Глазьев С. Ю., Кефели И. Ф.* Интегральный мирохозяйственный уклад и глобальная безопасность — ключевые проблемы современной науки // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2024. Т. 18, № 4. С. 10–21. EDN: UC1XKO. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-04-10-21
3. *Денисов И. Е., Зуенко И. Ю.* От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. М.: МГИМО МИД России, 2022. 24 с. EDN: FOPVCS
4. *Зинченко Г. П., Рогов И. И.* Неинституциональное насилие и социальные порядки в условиях непредсказуемых вызовов XXI века // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2017. № 3. С. 70–174. EDN: ZIOQXS. DOI: 10.23394/2079-1690-2017-1-3-170-174
5. *Кротов М. И.* Евразийский экономический союз и многополярная глобализация // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2024. Т. 18, № 1. С. 15–24. EDN: ANLSZC. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-15-24
6. *Кротов М. И., Слуцкий Л. Э., Батистова О. И.* Евразийская экономическая интеграция в новой глобальной реальности: системный подход и разрешение противоречий // *Евразийская экономическая перспектива: проблемы и решения*. 2020. № 4. С. 6–14. EDN: PFOGWV
7. *Лавут А. А.* «Атлантический треугольник»: утопия или реальная перспектива? // *Латинская Америка*. 2015. № 7. С. 19–33. EDN: UCAJIZ
8. *Ли Мин.* Теоретические основы и логика развития концепции глобального управления Китая // *Общество: политика, экономика, право*. 2025. № 4. С. 61–70. EDN: JXVFYN. DOI: 10.24158/per.2025.4.8
9. *Меркулов К. К.* О новых инициативах КНР в сфере глобального управления (осень 2023 г.) // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2024. № 29. С. 299–312. EDN: UPBTNE. DOI: 10.48647/ICCA.2024.36.60.020

¹ Китай: инициатива глобального управления [Электронный ресурс]. URL: <https://дипловарь.рф/ru/kitai-initsiativa-global-nogo-upravleniia> (кит. 全球治理倡议) (дата обращения: 29.12.2025).

10. Пак Е. В. 10 лет ЕАЭС: основные итоги и проблемы сотрудничества в области транспорта и логистики // *Международная аналитика*. 2025. Т. 16, № 1. С. 20–38. EDN: SGAEPF. DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-1-20-38
11. Песцов С. К. Дискурсивная сила во внешней политике Китая: интерпретация и продвижение инициативы «Один пояс — один путь» // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. 2017. Т. 22. С. 155–164. EDN: ZMMOYR
12. Рахимов К. Х. Деятельность Шанхайской организации сотрудничества по обеспечению безопасности в Евразии : монография. М. : РУСАЙНС, 2023. 250 с. ISBN: 978-5-466-02547-7. EDN: OYQWRC
13. Торопыгин А. В., Случевский В. В. «Один пояс, один путь»: архитектура межгосударственных и региональных взаимодействий : монография. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2023. 152 с. ISBN: 978-5-89781-776-4.
14. Ху Июнь. Краткий обзор исследований дипломатического дискурса в Китае // *Политическая лингвистика*. 2023. № 2 (98). С. 208–215. EDN: MTZEYS. DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_23
15. Чжу Ц. Как Китай выбирает путь реформы глобального управления? // *Вестник международных организаций*. 2020. Т. 15, № 3. С. 248–281 (на русском и английском языках). EDN: DBVLWH. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-10
16. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М. : Дело, 2001. 407 с. ISBN: 0-521-34891-9.
17. Furubotn E. G., Pejović S. The Economics of Property rights. Cambridge, 1974. 171 p. ISBN: 0-521-29099-6
18. North D. Structure and Change in Economic history. N.Y. : Norton, 1981. 228 p. ISBN: 0-393-01478-9.
19. North D., Thomas R. The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge, Cambridge University Press, 1973. 171 p. ISBN: 0-521-29099-6.
20. Parepa L.-A. The Belt and Road Initiative as Continuity in Chinese Foreign Policy // *Journal of Contemporary East Asia Studies*. 2020. Vol. 9, No. 2. P. 175–201. EDN: IKSHLN. DOI: 10.1080/24761028.2020.1848370

Об авторах:

Торопыгин Андрей Владимирович, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: toropygin-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-0678-3347

Николаенко Анастасия Валентиновна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: nikolaenko-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-4759-0015

References

1. Voitovsky, F. G. The Ideology of “Global Governance”: From Utopia to Practice // *The International Affairs*. 2011. No. 9. P. 69–94. (In Russ.) EDN: TTITUJ
2. Glazyev, S. Yu., Kefeli, I. F. Integral World Economic Structure and Global Security — Key Problems of Modern Science // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2024. Vol. 18, No. 4. P. 10–21. (In Russ.) EDN: UCIXKO. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-04-10-21
3. Denisov, I. E., Zuenko, I. Yu. From Soft Power to Discursive Power: New Ideologemes of China’s Foreign Policy. Moscow : MGIMO University, 2022. 24 p. (In Russ.) EDN: FOPVCB
4. Zinchenko, G. P., Rogov, I. I. Neoinstitutional Violence and Social Order in Terms of Unpredictable Challenges of the XXI Century // *State and municipal management. Scholar notes*. 2017. No. 3. P. 170–174. (In Russ.) EDN: ZIOQXS. DOI: 10.23394/2079-1690-2017-1-3-170-174
5. Krotov, M. I. The Eurasian Economic Union and Multipolar Globalization // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2024. Vol. 18, No. 1. P. 15–24. (In Russ.) EDN: ANLSZC. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-01-15-24

6. Krotov, M. I., Slutsky, L. E., Batistova, O. I. Eurasian Economic Integration in the New Global Reality: A Systems Approach and Resolving Contradictions // Problems of Modern Economics. 2020. No. 4. P. 6–14. (In Russ.) EDN: PFOGWW
7. Lavut, A. A. “Atlantic Triangle”: Utopia or Real Prospect? // Latin America. 2015. No. 7. P. 19–33. (In Russ.) EDN: UCAJIZ
8. Li, Ming. Theoretical Foundations and Logic of Development of China’s Global Governance Concept // Society: Politics, Economics, Law. 2025. No. 4. P. 61–70. (In Russ.) EDN: JXVFYN. DOI: 10.24158/pep.2025.4.8
9. Merkulov, K. K. On China’s New Initiatives in the Sphere of Global Governance (as of Autumn 2023) // China in World and Regional Politics. History and Modernity. 2024. No. 29. P. 299–312. (In Russ.) EDN: UPBTNE. DOI: 10.48647/ICCA.2024.36.60.020
10. Pak, E. V. Marking 10th Anniversary of the EAEU: A Transport and Logistics Perspective // Journal of International Analytics. 2025. Vol. 16, No. 1. P. 20–38. (In Russ.) EDN: SGAEPE. DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-1-20-38
11. Pestsov, S. K. Discursive Power in China’s Foreign Policy: Interpretations and Promotion of the “One Belt — One Road” Initiative // The Bulletin of Irkutsk State University. Series “Political Science and Religion Studies”. 2017. Vol. 22. P. 155–164. (In Russ.) EDN: ZMMOYR
12. Rakhimov, K. Kh. Activities of the Shanghai Cooperation Organization to Ensure Security in Eurasia : monograph. Moscow : RUSAINS, 2023. 250 p. ISBN: 978-5-466-02547-7. (In Russ.) EDN: OYQWRC
13. Toropygin, A. V., Sluchevsky, V. V. “One Belt, One Road”: The Architecture of Interstate and Regional Interactions: monograph. St. Petersburg : NWIM of RANEPa, 2023. 152 p. ISBN: 978-5-89781-776-4. (In Russ.)
14. Hu, Yiyun. A Brief Review of Diplomatic Discourse Studies in China // Political Linguistics. 2023. No. 2 (98). P. 208–215. (In Russ.) EDN: MTZEYS. DOI: 10.26170/1999-2629_2023_02_23
15. Zhu, Jiejun. China’s Path Selection in Global Governance Reform // International Organisations Research Journal. 2020. Vol. 15, No. 3. P. 248–281. (In Russ. and Eng.) EDN: DBVLWH. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-10
16. Eggertsson, T. Economic Behavior and Institutions. Moscow : Delo, 2001. 407 p. ISBN: 0-521-34891-9. (In Russ.)
17. Furubotn, E. G., Pejovič, S. The Economics of Property Rights. Cambridge, 1974. 171 p. ISBN: 0-521-29099-6.
18. North, D. Structure and Change in Economic History. N.Y. : Norton, 1981. 228 p. ISBN: 0-393-01478-9.
19. North, D., Thomas, R. The Rise of the Western World: A New Economic History. Cambridge, Cambridge University Press, 1973. 171 p. ISBN: 0-521-29099-6.
20. Parepa, L.-A. The Belt and Road Initiative as Continuity in Chinese Foreign Policy // Journal of Contemporary East Asia Studies. 2020. Vol. 9, No. 2. P. 175–201. EDN: IKSHLN. DOI: 10.1080/24761028.2020.1848370

About the authors:

Andrey V. Toropygin, Doctor of Science (Political Sciences), Professor, Professor of the Department of International Relations, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: toropygin-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-0678-3347

Anastasia V. Nikolaenko, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of International Relations, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation);
e-mail: nikolaenko-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-4759-0015

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.